

Во многих случаях роль столицы (метрополии) выражается в питании периферических регионов образами, идеями. В зависимости от исторической ситуации эти образы могут приобретать статус образцов, обязательных для копирования. Укрепление зависимости периферии от центра придает профессии архитектора характер проводника образов, исходящих из столицы. В настоящее время наблюдается глобальное ослабление «столичности». Смысл архитектурного творчества меняется в сторону поиска образов, выражающих особенности образа жизни людей именно в том месте, где располагается объект планирования.

Ключевые слова: архитектура; столица; метрополия; культура; социальная психология; творчество. /

The role of the capital (metropolis) is often manifested in supplying of periphery districts with images and ideas. Depending on a historical situation, these images can become must-copy models. The enhanced dependence of the periphery on the center enables the architectural profession to transmit images produced by the capital. Today "metropolization" trends become weaker all over the world. Architectural creation tends to search for the images that show the peculiarities of lifestyle typical for the project site.

Keywords: architecture; capital; metropolis; culture; social psychology; creation.

Образец и метод / A Model and a Method

текст

Константин Лидин /

text

Konstantin Lidin

При первом же взгляде на слово «столица» в нем безошибочно узнается корень «стол». Суффикс «ица» придает ему ласковый, добрый оттенок (сравним с «водица», «девица» и так далее). Столица – это город, в котором находится добрый, щедрый стол.

Соответственно, «не-столица» – это город, где такого стола нет.

Слово «метрополия», обозначающее главный город государства в ряде европейских языков, имеет греческое происхождение и означает «материнский город». У древних греков метрополия не только порождала города-колонии, куда мигрировали излишки населения. Метрополия также поддерживала своих «детей» финансами, военной силой и политическим влиянием, квалифицированными кадрами. Но главное, метрополия помогала колониям идеями, образцами для выстраивания всего образа жизни, от структуры городов до устройства политической жизни. Именно к идеологическим сосцам материнского города припадали новорожденные города античности, чтобы напитаться молоком традиционных идеалов.

Крупнейшая метрополия в истории человечества – Британская империя – отсчитывает свою государственность от легендарного короля Артура, его столицы, замка Камелот и знаменитого стола. Архетипические образы рыцарей Круглого стола изначально позиционируются в качестве идеальных образцов благородства, бескорыстия, верности и так далее. Ни внешние враги, ни колдовские чары не могут разрушить этот идеальный круг, лишь измена и предательство (как водится, со стороны самых близких друзей и соратников) способны на такое.

Связь между едой, национальной кухней и влиянием столицы в качестве духовного (а не только административного) центра страны сказывается и сейчас [1]. Сравним наугад несколько наиболее известных своими кухнями стран. На первом месте, скорее всего, окажется Франция. Где-то рядом с ней – Италия (кто же не едал пиццу или макароны?). Несколько сложнее выглядит репутация китайской кухни, высокая и все возрастающая. Для самих китайцев такого понятия, как «китайская кухня», вообще не существует, слишком велики различия между региональными традициями. Обычно под «китай-

ской едой» понимается нечто в духе сычуаньской кухни – жирной, пряной и насыщенной сильными вкусами. То же самое можно сказать и про индийскую кухню. Под этим популярным именем чаще всего фигурирует традиция Тамилнада (например, знаменитая приправа «карри» является элементом именно тамильской кухни).

Не последнее место в ряду знаменитых кухонь мира занимает и русская.

На другом краю находятся «скромные» кухни, мало известные за пределами своей родины – такие, как немецкая, швейцарская, турецкая... И вот что странно: в этих странах столицы лишь немного превосходят по численности крупнейшие нестоличные города (как Амстердам и Роттердам в Голландии), либо вообще представляют собой небольшие «моногорода» – резиденции правительства (как Вашингтон в США).

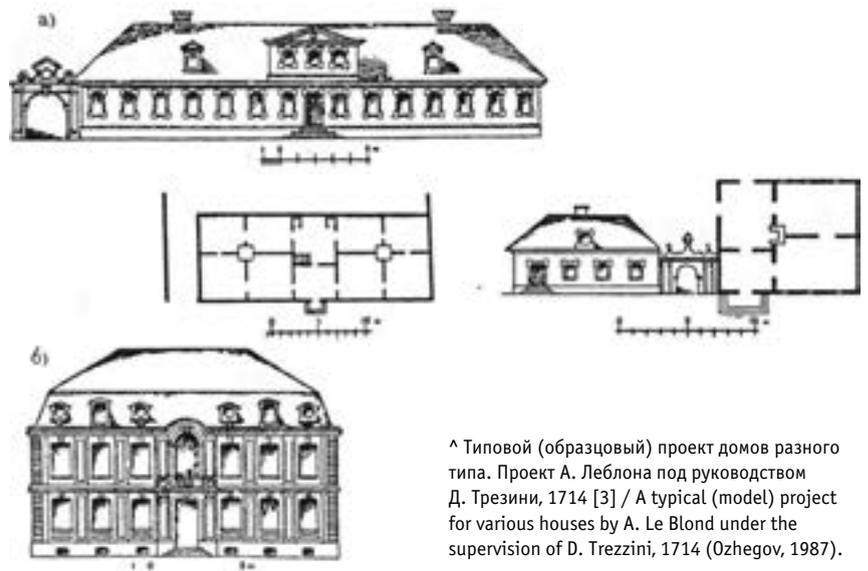
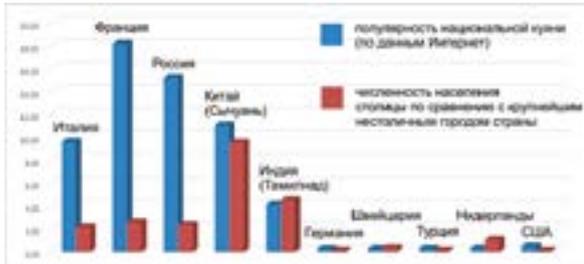
На диаграмме показаны сравнительные величины по двум показателям – популярность национальной кухни (определялась по количеству ссылок в поисковой системе Google) и отношение численности населения столицы к самому крупному нестоличному городу. Для Индии были взяты данные по штату Тамилнад (столица Ченнай, бывший Мадрас, второй город Коимбатур). Для Китая – данные по провинции Сычуань (столица Чэнду, второй город Янь).

Кормящая роль столицы, таким образом, глубоко укоренена в национальных традициях. Но не для всех стран и народов. Некоторые регионы обходятся без потока образцов и идей, исходящего из столиц.

Надо заметить, что роль столицы также меняется и в исторической плоскости. Легко обнаружить эпохи, когда общегосударственная зависимость от столичных образов нарастала.

Швейцарец Доменико Трезини был выходцем из страны, в которой столица никогда не играла лидирующей роли. Тем не менее, сотрудничая с царем и первым российским императором Петром, Трезини в 1714 году возглавил разработку первых типовых проектов зданий – сначала для застройки центральной части Санкт-Петербурга, а затем и для всей страны. Типовые проекты были рассчитаны на различные уровни достатка заказчиков. В гравюрах П. Пикара они вручались всем желающим

< Рыцари за Круглым столом. Миниатюра анонимного автора, XIII век / The chivalry at the round table. Miniature by an anonymous author, the 13th century.

^ Типовой (образцовый) проект домов разного типа. Проект А. Леблона под руководством Д. Трезини, 1714 [3] / A typical (model) project for various houses by A. Le Blond under the supervision of D. Trezzini, 1714 (Ozhegov, 1987).

v Вильям-Адольф Бугро. Метрополия, 1883. Народы колоний, как неразумные дети, могут толкаться и даже драться между собой, но все они равно припадают к Матери-метрополии за поддержкой, пропитанием и наукой / William-Adolphe Bouguereau. The Motherland. 1883. Colonial peoples, like unreasonable children, may hustle and even fight, but they equally press themselves to their Motherland for support, nutrition and science.

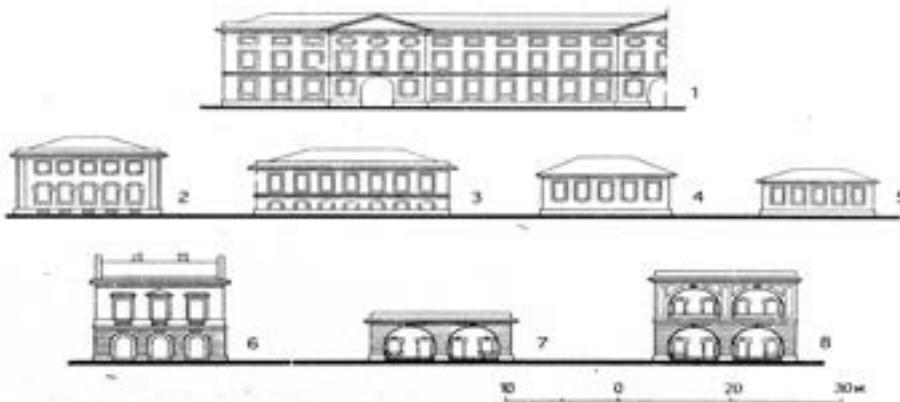
строиться в Петербурге и носили в основном рекомендательный и графический характер, имея при этом очень жесткие требования к размерам самого дома и его привязке на участке. Желаящий построить себе дом нестандартного типа обязан был обратиться за разрешением к самому Трезини [2].

Полвека спустя, в 1766 году, на фоне дальнейшего укрепления централизации и монархии в России, произошла вторая волна распространения образцовых проектов. Автором их на этот раз был русский архитектор А. Квасов. В основу был положен принцип застройки «единою фасадом», который заключался, как и в петровское время, в единстве вертикальных членений, то есть равной высоте венчающего карниза, междуэтажных тяг, цоколей и, следовательно, в близких размерах окон [2].

В следующем, XIX веке роль столицы становится сложнее и как бы раздваивается. Официально Санкт-Петербург продолжает оставаться источником идеальных образцов и нормативов для архитекторов империи. Казенные постройки выдерживаются в едином стиле, совершенно оторванном от контекста – будь то в Вологде, в Тифлисе, в Варшаве или в городах Туркестана.

Но параллельно развивается архитектура, слабо связанная со столичными образцами – в первую очередь, архитектура усадебная. Хотя для усадеб тоже существовали типовые проекты, но придерживаться их было уже совсем не обязательно. Усадебные постройки XIX – начала XX века поражают прихотливым, даже капризным разнообразием.

Семья декабриста С. П. Трубецкого переехала в Иркутск в 1845 году. Лишенные дворянства и прав состояния, эти люди тем не менее оставались по-европейски образованными и культурными. Для одной из своих трех дочерей С. П. Трубецкой выстроил дом усадебного типа на (тогдашней) окраине города. Дом бревенчатый, на цоколе из местного песчаника, построен в типичной для Иркутска технике, но декор имитирует лепнину и резьбу по кирпичу в свободном эклектичном стиле. Таковы же усадьбы и в окрестностях столиц – это постройки, в которых своевольный аристократический дух противостоит казенному единообразию.

^ Типовой проект одно-, двух- и трехэтажного дома, 1770-е годы [3] /
A typical project for one-, two- and three-storey houses, the 1770s (Ozhegov, 1987)

На протяжении XIX века авторитет столицы постепенно снижался. Уже и Москва стала на равных посматривать в сторону северного выскочки. И на окраинах начались все более самостоятельные процессы. И вот в начале нового, XX века империя в первый раз развалилась. На исходе этого же века она развалится еще раз, но этот, первый опыт вызвал огромный прилив энтузиазма.

Казалось бы, русский конструктивизм, вдохновленный революцией, должен был выдвинуть небывало жесткие принципы централизации. И действительно, академик Гинзбург писал в 1928 году: «Для нас не может существовать индивидуального заказа, для нас всякая архитектурная задача есть деталь, частное, превращающееся в определенное целое и из этого планового целого исходящая. У нас нет дома для Иванова, дома для Петрова или для другого, а есть только дом для трудящегося, рабочего, для крестьянина. Перед нами стоит совершенно иная задача — создание социального типа. Наш функциональный анализ задачи приводит к общему решению, которое будет верно и для дома Иванова и для дома Петрова, потому что это будет функционально решенный дом трудящегося. Функционализм архитектуры, приводеющий на Западе к тупику, открывает перед нами новые перспективы — создание социально новой типовой архитектуры» [4].

Однако практическая деятельность русских конструктивистов оказалась в разительном противоречии с их манифестами. Ни одного типового проекта, обязательного для подражания и копирования, так и не было предложено. Мало того, проекты и постройки русского конструктивизма поражают воображение именно своим разнообразием — при полном отсутствии декора и скудных строительных возможностях разоренной страны.

Конструктивисты не смогли (или не захотели) выдвинуть новые образцы, обязательные для подражания и способствующие идеологической централизации. Возможно, именно поэтому конструктивизм был так стремительно свернут и запрещен, а ему на смену был приведен сталинский ампи́р, вполне готовый к тиражированию.

Вместо типовых проектов, образцов для копирования, конструктивисты предлагали метод. Функциональный принцип в его конструктивистском изводе предлагает в каждом конкретном случае, для каждой ситуации — гра-

^ City Plus, OMA, концептуальный образ для инициативы Rebuild by Design. По их собственным словам, «это означает дальнейшее уплотнение и защиту высокоценных, высокоэффективных, высокопотенциальных объектов — городов», 2013 [6] /
‘City Plus’, OMA, concept image for Rebuild by Design initiative. In their own words, ‘[t]his means further densification and defense of high value, high impact, high potential sites—cities’, 2013 (Adams, 2014).

достроительной, климатической, исторической, социальной — находить уникальное решение. Но находить его — по четким, ясным и обязательным правилам. Гений места и уклад жизни людей ставит цель, а конструктивизм указывает средства для ее эффективного достижения в формах, объемах, потоках. Увы, в этой системе нет места для руководящих указаний из столицы.

Колебания между центростремительным следованием образцу и центробежным следованием методу продолжают и дальше. Феномен «стархитекторов» — предельно столичный по своему содержанию. Каждое произведение сэра Нормана Фостера неожиданно, ошеломляюще и поразительно. Из ряда его проектов не получается выловить метод, да его и нет. Есть трансцендентальное озарение, вспышка гения. И — естественно — длинная цепь подражаний и повторов [5].

А вот у Алехандро Аравена метод есть. И он пользуется любым случаем, чтобы этот метод озвучить и рассказать о нем как можно шире. Даже записал лекцию в популярнейшем форуме TED и вывесил ее в открытом доступе. Метод Аравены не так научен и точен, как у Гинзбурга и Леонидова, зато понятен даже чилийскому рыбаку. И премию Притцкера за 2016 год он получил за метод, потому что его постройки выглядят неказисто, глаз ничем особенным не радуют и не поражают. Зато его приемы проектирования позволяют строить в условиях перманентного кризиса и снижают социальную напряженность.

В конце семидесятых годов прошлого века Рем Колхас, уже известный архитектурный критик и теоретик, основал Студию столичной архитектуры (OMA) — вместе с Элиа Зенгелисом и восходящей звездой Захой Хадид. Книжки, статьи, лекции Колхаса, а позже — и проекты OMA настолько широко известны, насколько это вообще может быть. Рем Колхас даже в Сколково поработал несколько лет и стал одним из основателей «Стрелки», бог ему судья. И все его разнообразное творчество складывается в некий апофеоз столичности — не метода, а образца.

Архитектура, как живой организм, развивается в колебательном режиме. Систола сменяет диастолу, как в бьющемся сердце. Периоды «столичности» сменяются «нестолличностью» — от режима всеобщего кормления идеями и образами из центра мы переходим к режиму

< Усадьба Трубецких. Реставрирована в 1960-х годах по проекту Г. Г. Оранской / Trubetsky Manor renovated in the 1980s by G. G. Oranskaya.

самодостаточности, независимости периферии. От подражания столичным образцам (даже самого талантливого и остроумного) происходит движение к диффузному, децентрализованному, порой безмянному творчеству. Как в методе конструктивистов и Аравены, соавторами архитекторов становятся анонимные горожане, достраивающие и перестраивающие исходный проект в соответствии с потоком своей жизни. Архитектор теряет ореол носителя и проводника высшей, столичной истины. Массовое сотворчество размывает и подвергает сомнению священное авторское право. Это неприятно, спору нет. Но, может быть, взамен мы приобретем больше свободы для творчества – если научимся, вместо указаний и предписаний из столиц, различать узор и ритм жизни именно в том месте не-столицы, где мы сами живем и работаем.

Литература

1. Лидин К. Л., Меерович М. Г. Ритуал и разум в кухне. Философия стоицизма в дизайне кухни // Проект Байкал. – 2008. – № 15. – С. 40–43.
2. Станюкович-Денисова Е. Ю. Образцовые проекты в жилом строительстве Петербурга 1730–1760-х гг.: проблема типологии и модификации // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. статей. – СПб. : Профессия, 2011. – Т. 1. – С. 174–179.
3. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М. : Стройиздат, 1987. – 224 с.
4. Гинзбург М. Я. Конструктивизм в архитектуре // Современная архитектура. – 1928. – № 5. – С. 143–145.
5. Паперный В. Fuck context? – Екатеринбург : TATLIN, 2011. – 120 с.
6. Ross Exo Adams. The Burden of the Present: On the concept of urbanization [электронный ресурс]. – <http://societyandspace.com/material/article-extras/theme-section-a-new-apparatus-technology-government-and-the-resilient-city/ross-exo-adams-the-burden-of-the-present-on-the-concept-of-urbanisation/>

References

- Adams, Ross Exo. (2014, February 11). The Burden of the Present: On the concept of urbanization. Society and Space, Retrieved from <http://societyandspace.org/2014/02/11/the-burden-of-the-present-on-the-concept-of-urbanisation-ross-exo-adams/>
- Ginzburg, M. (1928). Konstruktivism v arkhitekture [Constructivism in Architecture]. The First Conference of Modern Architects Society. *Sovremennaya arkhitektura*, 5, 143-145.

Lidin, K., & Meerovich, M. (2008) Ritual and reason in the kitchen. *Project Baikal*, 2(5), 40-43. DOI: <http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.5>

Ozhegov, S. (1987). *Tipovoe i povtornoe stroitelstvo v Rossii v XVIII-XIX vekakh* [Typical and repeated construction in Russia in the XVIII-XIX centuries]. Moscow: Stroyizdat.

Paperny, V. (2011). *Fuck context?* Ekaterinburg: TATLIN.

Stanyukovich-Denisova, E. (2011). *Obraztsovye proekty v zhilom stroitel'stve Peterburga 1730-1760-kh gg.: problema tipologii i modifikatsii* [Model projects in the residential construction of St. Petersburg of the 1730s-1760s: the problem of typology and modification]. In *Actual problems of theory and history of art* (Vol.1, pp. 174-179). St Petersburg: Professia

< Гюстав Доре. Замок Камелот. Замок-столица, обитель идеальных рыцарей – высокоценных, высокоэффективных, высокопотенциальных.../ Gustave Doré. Camelot. A Castle and a capital that harbours ideal knights of high value, high impact, high potential...